

ОБРАЗ ВОИНОВ-«МОСКОВИТОВ» НА КАРТИНЕ «БИТВА ПОД ОРШЕЙ»¹

В исследованиях по восточноевропейскому средневековому вооружению историки неоднократно обращались к замечательному иконографическому источнику – картине «Битва под Оршей» неизвестного художника, хранящейся в собрании Национального музея в Варшаве (№ МР–2575). Историки и искусствоведы много спорили о том, когда было создано полотно, кисти какого художника могла она принадлежать, но первый систематический анализ структуры картины и ее отдельных сцен был сделан только З. Жигульским (младшим) в 1970–1980-х гг. [27, с. 85–132; 28, с. 265–290].

Следует отметить, что практически все работы, посвященные анализу вооружения на картине «Битва под Оршей», касаются в основном польско-литовской армии и совершенно не затрагивают изучение русского войска, изображенного в левой части картины. Только в некоторых современных работах делались попытки сопоставить нарисованные элементы вооружения русских воинов с археологическими данными или с источниками XVI века [10, с. 4; 14, с. 104–109; 19, с. 307–340].

По словам известного археолога А. Н. Кирпичникова на картине «с беспрецедентной точностью представлено несколько сотен русских воинов во главе со своими командирами. Образы последних, по видимому, даже портретны. Мы видим поотрядно построенную сражающуюся средневековую русскую конницу, снабженную традиционным холодным оружием... Наша воинская иконография не знает столь выразительного документа» [10, с. 4]. Но эти слова, сказанные почти сорок лет назад, нуждаются в подтверждении. Прежде всего, необходимо ответить на вопросы – насколько точно изображены русские воины, их оружие, доспехи, одеяние? Насколько они соответствуют реалиям первой половины XVI века? Какими материалами пользовался художник при создании образа «москвитов»?

Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо сравнить иконографический материал картины с документальными и материальными памятниками. Это позволит по-новому осветить некоторые

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15–21–01003 а(м).

аспекты картины «Битва под Оршей» и, возможно, даже очертить ее нижнюю границу датировки.

Основной комплекс вооружения, не раз отмеченный в источниках – «саадак да сабля». Саадак включал в себя комплект из лука, налуча и колчана со стрелами. Посол Ю. Траханиот (1486 г.) отмечал, что главным оружие русских является «сабля или лук; некоторые пользуются копьем для нанесения удара» [10, с. 19–20]. Относительно вооружения «москвитов» имперский посол С. Герберштейн отметил: «Обыкновенное их оружие – лук, стрелы, топор (копье) и палка [наподобие (римского) цеста (coestus)], которая по-русски называется кистень (kesteni), а по-польски – бассалык (bassalick). Затем примерно в две пяди (Spanne) деревянная рукоять, к которой прибит крепкий ремень, а на его конце привязан кусок меди, железа или оленьего рога; ремень также длиной почти в полторы пяди. Саблю употребляют те, кто [познатнее и] побогаче. (...) Далее, повод узды у них в употреблении длинный, с дырочкой на конце; они привязывают его к (одному из) пальцев левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, выстрелить (не выпуская повод). Хотя они держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плетть одновременно, однако ловко и без всякого затруднения умеют пользоваться ими» [6, с. 114].

Создается впечатление, что русские воины на картине «Битва под Оршей» как будто срисованы с описаний имперского посла – на полотне мы видим упомянутые Герберштейном и «чешуйчатые» доспехи, и ватные кафтаны (тегиляи), и луки, и топоры, и сабли. Посадка на лошадях также характерна: на коротких стременах, с согнутыми ногами.

Но при всем при этом есть один весьма существенный нюанс – имперский посол описал вооружение русского воина кратко и сжато, не останавливаясь на детальном разборе типологии снаряжения, ограничившись следующей формулировкой: «Некоторые из более знатных носят панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи (похожий на согaczin), и наручи; весьма у немногих есть шлем заостренный кверху [наподобие пирамиды]. Некоторые носят шелковое платье, подбитое войлоком, для защиты от всяких ударов (оно может задержать обычную стрелу)» [6, с. 114].

Одним из ценных источников по русскому вооружению являются «духовные» дворян и детей боярских [16, с. 98–109]. Помещики, выступая в поход, который мог оказаться для них последним, оставляли завещания, где подробно расписывалось имущество. В двенадцати грамотах упоминаются следующие металлические доспехи: «пансыри» (духовная князя

А. Ф. Голенина 1482 г.) [2, с. 18–20], «пансырь» (духовная З. Ф. Катунина 1519 г.) [1, с. 174–177]; «пять пансыров», «закладной пансырь», «бехтерец» (духовная Г. Д. Русинова 1521 г.) [1, с. 198–200]; «кольчюга» (духовная А. И. Шадрина 1525 г.) [1, с. 253–255]; «пять пансырей», «три бехтерцы», «кольчюга» (духовная Василия Ускова Петрова сына Есипова 1528 г.) [2, с. 91–93]; «юмшан» (духовная Г. В. Жукова-Оплечюева 1540 г.) [2, с. 150–151]; «пансырь шюмячен (юшмячен? – А. Л.)» (духовная Г. М. Валуева 1543 г.) [2, с. 169–173]; «бехтерь», «зеркала московская», «пансырь московская» (духовная Д. А. Белеутова 1543/44 г.) [2, с. 164–166]; «бехтерец шемохейской» (духовная князя Ю. А. Оболенского 1547 г.) [2, с. 208–211]; «доспех», «юмшан» (духовная князя Н. А. Ростовского 1548 г.) [3, с. 453, № 420], «пансыри», «юмшяны», «бехтерцы», «зерцало» (духовная Д. Г. Плещеева 1558/59 г.) [2, с. 280], два «пансыря», два «бехтерца» (духовная Мяседа Вислого около 1568–1570 гг.) [3, с. 456, № 421].

В документах военных смотров XVI века – «десятиях» 1556–1571 гг. – фигурируют практически те же металлические доспехи: кольчатые (панцыри, кольчуги, байданы), кольчато-пластинчатые (бахтерцы, юшман), пластинчатые (куяки), зеркальные («зеркала полные» и «зеркала личные») [20, с. 296–338; 12, с. 236–295]. Отдельно следует отметить очень редкий и дорогой кольчато-пластинчатый доспех, не описанный в духовных грамотах и десятиях – калантарь. «Калантырь злачены» считался одним из самых дорогих доспехов. Он поминается в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». В «Казанской истории» говорится, что время похода на Казань в 1552 г. Иван Грозный «в калантырь облекся предо всеми», «и стояше весь вооружен во златыя броня, в рекомый калантырь» [9, с. 125]. Изображений этого дорогого и редкого доспеха на картине «Битва под Оршей» нет.

Значительную часть атакующих и убегających «москвитов» художник «облачил» в восточные доспехи бахтерцы (от перс. «beger»). Бахтерец представлял собой куртку «без ворота и рукавов, с застежками на плечах и правом или левом боку. От других видов пластинчато-кольчатых доспехов он отличается большим количеством мелких пластинок, обычно положенных одна на другую снизу вверх. Пластинки скреплены между собой по краям кольчужными или панцирными кольцами» [7, с. 97]. Утверждение А. Н. Кирпичникова, что «с запозданием (примерно в 70 лет) этот доспех упомянут в одном отечественном документе 1556 г.» [10, с. 38] не соответствует действительности – впервые бахтерец упомянут в 1521 г. (духовная Г. Д. Русинова). Это вполне соотносит-

ся с периодом первой половины XVI века, когда могла быть написана картина.

Основной тип бахтерца, изображенный на картине, – с шестью или восемью рядами пластинок на груди и на спине. Встречаются также и богато оформленные пластинчато-кольчатые доспехи, имеющие один посередине или по два с каждого бока рядов из медных (или позолоченных?) пластинок.

В духовных грамотах упоминается также дополнительное защитное вооружение, среди которого перечисляются: «наручи шамахинские», «наручи московские», «наколенки» (духовная Г. Д. Русинова 1521 г.), «наколенки», «наручи», «боторлыки» (духовная Василия Ускова Петрова сына Есипова 1528 г.), «наручи с ымянем» (духовная З. Ф. Катунина 1519 г.), «наручи», «наколенки шемохейские» (духовная князя Ю. А. Оболенского 1547 г.), «наручи» (духовная Мясоеда Вислого около 1568–1570 гг.).

Известно, что к середине XVI века на военных смотрах повышенное внимание повышенное внимание уделялось защите корпуса (корпусным доспехам). Защита рук и ног являлась дополнительной, и ее наличие было личным делом помещика. Как правило, зажиточный дворянин мог иметь и наручи, и поножи – как показывают приведенные примеры, в большинстве духовных грамот они упоминаются. Но на картине мы вновь отмечаем парадокс – **московская конница практически полностью лишена защиты рук и ног**, даже у всадников с богатым вооружением отсутствуют бутурлыки и наручи. Только у одного командира с зеркальным доспехом на левом плече видим металлический круг, защищавший правое плечо.

Защита головы также в массе своей стилистически однообразна: на воинах простые сфероконические наголовья, в некоторых случаях – с нащечниками или кольчужной бармицей, а также шлемы с медным околышем и с завитыми каннелюрами. Такие наголовья XVI века – с высокой колоколовидной тульей и длинным шпилем, без наносника и глазных прорезей – известны археологам [10, с. 29]. Два шлема похожей формы, предположительно, московских, были найдены около Мстиславля в 2004 и 2006 гг. [4; 5, с. 49–52].

Таким образом, металлические наголовья, изображенные на картине, вполне соответствуют эпохе. Большинство металлических головных уборов было восточного типа – в военном «гардеробе» некоторых дворян и бояр присутствовали, согласно описям, шоломы «кызылбашские», «черкаские с носом», «шамохейские», «шяпки мисюрские» и т. д. Были

и шлемы московской (например, «шолом московскова дела», «шолом московской, грани косые, через грань наведен медью») и литовской («шолом литовской, грани прямые») работы. Вместе с «бехтерцами шемохейскими», «наколенками шемохейскими», саблями «турскими», «кизилбашскими», «черкасскими», луками «ординские» и «крымские» некоторые русские воины часто походили на восточных ратников [14, с. 105–109; 25, с. 142–152].

Еще одна характерная деталь: на картине не показаны московские копейщики. А между тем, «копейный бой» некоторые дворяне и дети боярские практиковали вплоть до Смутного времени [13; 21], а о наличии у «московитов» копий «для нанесения удара» писали иностранцы в XVI веке. Очевидно, среди трофейного вооружения, которое срисовывал художник, древковое оружие отсутствовало.

«Ориентализация» русской конницы, начавшаяся с XV века, повлекла за собой изменения не только в вооружении, но и в тактике. Тактика сводилась к следующему: избегая рукопашного боя, всадники массированно обстреливали противника стрелами и забрасывали дротиками, и лишь за тем, когда порядки противника оказывались расстроенными, атаковали его построения. Такая тактика ведения боя с успехом использовалась в столкновениях с татарской и литовской конницей.

Но почему же на картине нет того разнообразия московских доспехов и шлемов, которое существовало к началу XVI века? Почему у всех московских всадников отсутствует защита конечностей? Наконец, почему в большом количестве изображены только бахтерцы в разных вариациях? Ведь это был не самый распространенный доспех на Руси. Так, упоминания о «пансыре», состоящем из сплетенных плоских колец, в духовных грамотах 1510–1540-х гг. явно превалируют над остальными гарнитурами. Согласно «Боярской книге» 1556 г. и десятиям 1556–1579 гг. пансырь вместе с кольчатыми доспехами – байданой и кольчугой – упомянут 374 раза. Для сравнения: более дорогие кольчато-пластинчатые доспехи – бахтерец и юшман – упомянуты только 38 раз [23, с. 426–427, табл.], т. е. в десять раз меньше! В музейных собраниях кольчатых доспехов также **на порядок больше**, чем кольчато-пластинчатых. Таким образом, удивительным и парадоксальным служит тот факт, что **из массы доспехов массово показаны только бахтерцы и несколько зеркал, а другие типы металлической защиты полностью отсутствуют.**

Документы XVI века различают следующие виды стеганной военной одежды – собственно «тегиляй», «тегиляй толстый», «тегиляй

камчатый», «тегиляй» и «тегиляй бархатный». Из комплекса источников XVI века известно, что, выступая на войну против литовцев или татар, дворяне и дети боярские облачались в разноцветные кафтаны и тегиляи. На картине «Битва под Оршей» у большинства русских воинов доспехи одеты поверх стеганок. Но не редки были отмеченные документами эпизоды, когда тегиляи одевались поверх металлического доспеха, например описаны случаи, когда «на пансыре тегиляй толстой камчат» или «...да сверх доспеха ферези бархатны» [22, с. 147–154].

Европейцы не раз писали о многоцветии ратной одежды «москвитов»: «Вооружение их состоит из металлической кольчуги и шлема на голове, у **некоторых кольчуги докрыты бархатом или золотой парчей**» [8, с. 59]. Кардинал Коммендоне в донесении (1564 г.) также отмечал: «...у этого народа обыкновение перед вступлением в битву надевать **сверх оружия драгоценные разноцветные одеяния**, так что русское войско имеет вид прекрасного цветущего луга (выделено мной. – *А. Л.*)» [18, с. 130].

Открытая демонстрация хорошо и богато экипированных воинов оказывала большой психологический эффект на противника, у которого складывалось впечатление, что на бой выходили лучшие воины. В 1541 г. крымский хан Сафа-Гирей был вынужден отклониться от битвы с русскими. Летописец объясняет это демонстрацией перед татарами качества снаряжения московских ратников: «... начат царь (крымский хан. – *А. Л.*) зрети и дивиться, что идут люди многие, учредив полки красно: видят, а люди цветны и доспешны...» [17, с. 109].

Художнику – и это надо отметить, – **было знакомо такое явление московской рати, как «цветность и доспешность»**, правда он изобразил его в своей авторской манере: наряду с облаченными в дорогие бахтерцы и шлемы воинами художник нарисовал рядовых ратников (боевых слуг?) в войлочных шапках с меховой опушкой и разноцветных тегиляях, которые вообще не имеют никакой защиты. Очевидно, этот прием должен был показать военную иерархию «москвитов». По документам XVI века легким доспехом мог быть «тегиляй толстый», другие же типы тегиляев (из камки, атласа, бархата) не признавались за доспех, а слуги, облаченные в такие одежды полноценными воинами не считались [20, с. 307]. Белые войлочные «татарские» шапки, показанные на картине, действительно имели хождение на Руси. По свидетельству Михалона Литвина остроконечные «ордынские» шапки, москвиты носили в подражание татарам [15, с. 75].

Вполне возможно, на картине легковооруженные всадники показаны в походном, а не в боевом одеянии. Польские и литовские источники показывают хорошую экипировку русских в сражении под Оршей 8 сентября 1514 г. По словам секретаря королевы Боны Сфорца Станислава Гурского, «москвиты» перед битвой с войсками князя К. Острожского «отяготили себя многими доспехами против сильных ударов, и теперь для быстрой битвы были отягощены» [24, р. 4].

Кроме того, командный состав русской армии художник изобразил также без защитного вооружения – у полковых воевод невозможно разглядеть доспех из-под кафтанов и на вырезях рукавов. На их головах вместо шлемов – шапки с опушкой. Ранг воевод подчеркивает особая деталь – прикрепленная к тулье остроконечной шапки голубая лента с золотой запоной, очевидно образком.

Но было бы странным считать, опираясь на иконографию картины, что в реальности русский нобилитет выходил на бой не в дорогих доспехах, защищающих тело, конечности и голову, а в роскошном, но бесполезном в бою, платье. И можно согласиться с А. Н. Кирпичниковым, что при «изображении командирских киверов художник, в данном случае следуя изобразительной манере своего времени, желал так показать руководителей тактических единиц. В реальном же бою кивера, поскольку они изготовлялись из мягких материалов – сукна, кожи, фетра, войлока, – заменялись более безопасными: металлическими шлемами (или надевались на эти последние)» [10, с. 43].

Для изображения польско-литовских воинов художник отобрал ряд боевых гарнитуров высшей знати, и в это число, помимо роскошных «максимилианов», попали и доспехи для пешего турнирного боя [28, s. 85–132]. Поэтому наиболее правдоподобной выглядит версия, что вооружение русских воинов художник также изображал по имеющимся у него в распоряжении комплектам трофейных доспехов. Автор мог опираться на реалии времени написания полотна.

Без сомнения, русские воины на картине изображены достаточно реалистично: тонкой кистью художника отмечены характерные особенности вооружения вплоть до мельчайших деталей (ряды пластин на нагруднике, медные или позолоченные ободки на шлемах, сабельные ножны, узоры на кафтанах и многое другое), мастерски показана во всей красе «ориентализация» военного быта «москвитов». Следовательно, художник был знаком с реальными образцами «москвитского» вооружения. В то же время вместо разнообразия доспехов мы видим на картине доминирование бахтерцов и «мягких доспехов» (тегиляев).

Вероятно, художник использовал только то количество трофейного снаряжения, которое имелось в его распоряжении.

Несомненно, что для составления образов «московитов» художник изучал дорогое трофейное имущество (иначе как объяснить тщательную зарисовку элементов вооружения?), захваченное в ходе сражений, а именно – использовавшиеся в воинском быту поместной конницей бахтерцы, колпаки, шапки, шлемы, ферязи, кафтаны и т. д. Но ограниченное количество имевшихся в распоряжении экземпляров «московитских» вещей заставило художника буквально «клонировать» воинов в одних и тех же доспехах, выделяя из массы всадников командиров отрядов, одетых в дорогие, но совершенно не приспособленные для боя одеяния.

Если доски, на которых написана картина, согласно данным дендрохронологии, были сделаны в 1530-е годы, то тогда очевидно, что художнику могли быть знакомы трофеи Стародубской войны 1534–1537 гг. После взятия Стародуба в руках гетмана Яна Тарновского оказалось много знатных пленников во главе с наместником князем Ф. В. Телпневым-Оболенским. В плен попало большое количество воинов, из которых до 1400 человек было казнено [11, с. 80–81], а также богатые трофеи.

Не исключено, что нарядная «гражданская» одежда, в которую художник облачил представителей московского нобилитета – кафтаны с горностаевым мехом, ферязи, шапки, сафьяновые сапоги и другие элементы, – могли быть срисованы с одеяний послов из Москвы, прибывших к Сигизмунду I для заключения перемирия в 1537 г. По крайней мере изображения одеяний русских дипломатов на гравюрах и рисунках XVI века очень похожи на некоторых персонажей картины.

Мотивы создания картины во второй половине 1530-х гг. едва проглядываются, но если связать ее написание со взятием Стародуба 29 августа 1535 г. и в целом со Стародубской войной 1534–1537 гг., то в этом случае становятся понятными причины появления полотна. На волне новой громкой победы над «московитами» понадобилось «воскресить память» о былых победах, а именно – о «Великой битве» 1514 года на берегах Борисфена. В этом случае триумф гетмана Яна Тарновского под Стародубом созвучен с триумфом князя К. И. Острожского под Оршей. Не следует также забывать, что будущий покоритель Стародуба прославился там же, в «Великой битве», командуя хоругвями польских добровольцев, пришедших воевать с москвитами [14, с. 120]. Картина поэтапно рассказывает об упорном сражении с многочисленным и хорошо вооруженным врагом. Левая нижняя и верхняя части полотна наглядно

иллюстрирует апокалипсическое описание заключительного этапа сражения, сделанное в свое время секретарем королевы Боны Сфорца: «На поле были видны претерпевшие убийство тела, с вытекшей на землю кровью, лежащие без голов, рук или ног, а у иных голова была разбита молотом или рассечена надвое, у кого обнажен позвоночник, у кого выпали кишки, у кого отсечено от тела плечо с рукой, у кого разбиты мечом лицо или рот, кто разрублен от головы до пупа, в ком торчало копьё, кто стонал, кто испускал дух, кто раздавлен конями, кто завален огромными тушами лошадей. Очень печально и ужасное для самого Господа зрелище» [24, р. 5].

Заказчиком картины мог быть только тот феодал, кто обладал внушительной коллекцией европейского и трофейного (московского) оружия, при дворе которого участники сражения 1514 года могли подробно проконсультировать художника относительно географической привязки к местности, тактических приемов польско-литовских и «москвитских» войск, их снаряжения и вооружения. Поэтому вполне допустимо, что заказчиком картины могли выступить богатый магнат (например, кто-то из князей Острожских) или даже сам король Сигизмунд Старый, но данная версия пока остается на уровне гипотезы.

Список литературы

1. Акты русского государства 1506–1526 / Сост. С. Б. Веселовский. – М., 1975.
2. Акты феодального землевладения и хозяйства / Подг. А. А. Зимин; отв. ред. Л. В. Черепнин. – Ч. 2. – М., 1956.
3. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства, изданы Археографической комиссией. – СПб., 1838.
4. Бохан, Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім Княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск, 2008;
5. Бохан, Ю. М. Новыя знаходкі сярэднявечных шлемаў у Месціславе / Ю. М. Бохан // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 12. – С. 49–52.
6. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн; пер. А. В. Назаренко. – М., 1988.
7. Гордеев, Н. В. Русский оборонительный доспех / Н. В. Гордеев // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной оружейной палаты / Под ред. С. К. Богоявленского и Г. А. Новицкого. – М., 1954. – С. 1–58
8. Готье, Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Ю. В. Готье. – М., 1937.
9. Казанская история / Подг. текста, вступ. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. – М.; Л., 1954.

10. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. / А. Н. Кирпичников. – Л., 1976.
11. Кром, М. М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений / М. М. Кром. – М., 2008.
12. Курбатов, О. А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. / О. А. Курбатов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. – Вып. II. – СПб., 2015. – С. 236–295.
13. Курбатов, О. А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени / О. А. Курбатов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. – Вып. II. – СПб., 2015. – С. 227–235.
14. Лобин, А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 г. К 500-летию сражения / А. Н. Лобин. – СПб., 2011.
15. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В. И. Матузовой. – М. 1994.
16. Пенской, В. В. Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV–XVI в. / В. В. Пенской // Вопросы истории. – 2011. – № 9. – С. 98–109.
17. Полное собрание русских летописей. – Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М., 2000.
18. Сапунов, А. П. Витебская старина / А. П. Сапунов. – Т. IV. – Отд. 1: Полоцкое воеводство под властью царя Иоанна Васильевича Грозного. – Витебск, 1885.
19. Селиверстов, Д. А. Московское войско в битве при Орше 1514 г. / Д. А. Селиверстов // Военная археология. Сборник материалов Проблемного совета «Военная археология» при Государственном историческом музее. – Вып. 3 – 2015. – С. 307–340.
20. Смирнов, Н. В. Боевые слуги в составе русской поместной конницы в период Ливонской войны / Н. В. Смирнов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. – Вып. II. – СПб., 2015. – С. 296–338.
21. Смирнов, Н. В. О “копейном бое” русской поместной конницы второй половины XVI в. (по поводу статьи О. А. Курбатова) / Н. В. Смирнов // История военного дела: исследования и источники. Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. II: Дискуссия. – Вып. II. – СПб., 2015 – С. 104–111.
22. Фатеев, Д. М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556–1579 гг. / Д. М. Фатеев // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. – Великий Новгород, 2002. – Ч. 1. – С. 147–154.

23. Шиндлер, О. В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века / О. В. Шиндлер // История военного дела: исследования и источники. – 2014. – Т. V. – С. 417–486. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.milhist.info/2014/08/18/schindler>. – Дата доступа: 18.08.2014.

24. Acta Tomiciana. Tomus Tercius Epistolarum. Legationum. Responsorum. Actionum et Rerum Gestarum; Serenissimi Principis Sigismundi Primi, Regis Polonie et Magni Ducis Lithuanie. – Т. III: 1514–1515. – Poznanæ, 1853.

25. Łobin, A. Wojsko rosyjskie na obrazie Bitwa pod Orszą / A. Łobin // Biblioteka epoki nowożytnej. – Nr 3. – 2015. – S. 142–152.

26. Żygulski, Z. (j) Broń w dwanej Polsce na tle uzbrojenia Europy i bliskiego Wschodu. / Z. Żygulski (j). – Warszawa, 1975.

27. Żygulski, Z. (j) Światła Stambułu / Z. Żygulski (j). – Warszawa 1999.

28. Żygulski, Z. (j) Bitwa pod Orszą. Struktura obrazu / Z. Żygulski (j) // Rocznik Historii Sztuki. – Т. XII. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1981. – S. 85–132.